

Образ «Огненное вознесение пророка Илии» в народной иконописи

1. Икона «Огненное вознесение пророка Илии (с предстоящими свв. Власием, Модестом, Флором и Лавром)». Невьянск, вторая четверть — середина XIX в. Частное собрание, Москва.

Обозревая экспонаты на выставке «Народная икона из музейных и частных собраний» в Российской академии художеств, нельзя не отметить большое количество представленных здесь образов огненного вознесения пророка Илии. Это неудивительно, так как Илья Пророк был особо популярен именно в народной среде.

Великий праведник, подвижник и властитель над небесами, Илья Пророк был, без сомнения, самым почитаемым ветхозаветным святым на Руси, чтимым, по выражению известного исследователя В.Г. Брюсовой, «и в хижинах и во дворцах»¹. Известно, что Илью Пророка почитали как покровителя монашества за его аскезу, отшельничество и праведность², а также в старообрядческой среде — за следование истинной вере, бесстрашное обличение «сильных мира сего» и огненное восхождение³. Но более всего народ почитал его как повелителя грозных сил небесных — туч, дождя, молнии и грома. Даст ли земля новый плодородный урожай, не погубят ли его обильные ливни или страшная засуха, — этот вопрос был жизненно важным для наших предков и находился в прямой «компетенции» пророка Ильи. Соответственно, Ильин день был на Руси один из самых значимых праздников народного календаря. В этот день устраивались крестные ходы, проводилось освящение воды, читались каноны о дожде и бездожде. Молебны Илье Пророку проходили не только в день его памяти (20 июля по старому стилю), но и в случае стихийных бедствий — наводнений, вызванных сильными дождями, лесных пожаров и засухи*.

Предания и поверья приписывают Илье Пророку происхождение не замерзающих зимой родников, произошедших от удара его огненных стрел. Над такими святыми источниками ставились кресты и часовни с иконами Божией Матери и Ильи, к ним совершались крестные ходы, вода в них считалась целебной. Во время крестных ходов, связанных с засухой, крестьяне опускали в родник икону, ставили рядом чаши с овсом, пшеницей и рожью и молили пророка о дожде.

В народной среде Илья считался также покровителем скота, сближаясь по почитанию к культу Модеста, Власия, Георгия, Флора и Лавра. Очень часто этих святых изображали вместе с Илей на многочастных образах или же в качестве предстоящих на иконах «Огненное вознесение пророка Илии» (илл. 1). Такие иконы представляли собой целый крестьянский «пантеон» — основных святых (изображаемых вместе, на одной доске, так как это было более доступно по цене), покровительствующих и помогающих в повседневной жизни сельского труженика.

У северных народов (карелов, вепсов) Илья Пророк был связан с их древними культами — он должен был охранять стадо от волков⁴. Как отмечали исследователи, еще во второй половине XIX века на Ладожском озере у Ильинской часовни в Ильин день существовал обряд принесения ему в жертву быка или барана (а в древности — оленя или лося)⁵. Интересно, что подобные обряды существовали не только на Севере, но и в Уральском регионе. Так, на Ильин день жители Пермского края «собираются из двух или трех деревень в одну, приводят с собой быка или теленка и колют, потом варят и съедают всем обществом. Цель этого обычая — умиловить этой жертвой пророка. В этот день нигде не выгоняют скот, веря и других уверяя, что в это время по лесу свободно ходят ядовитые гады и хищные

звери»⁶. Заканчивался подобный праздник народными гуляниями — играми, хороводами и песнями. Во время праздничных гуляний на Ильин день в ряде регионов бытовал и такой обычай: выходили с поленьями за околицу, нападали на первого встречного и били его, «совершая таким образом обряд защиты жатвы от тайной порчи, связанной с верой в дух зерна»⁷. В том же Пермском крае, в часовни, которые были посвящены святому Илье, местные жители приносили жареные или печеные козьи и бараньи головы с горохом. Своей жертвой просили они у Ильи Пророка защиты «козам, баранам, гороху и под видом его всему растущему на полях и огородах. Горох употребляется в этих случаях потому, что он есть единственный плод, который там созревает к Ильину дню. Головы и горох в виде подарков поступают священно-церковно-служителям»⁸.

Данные аспекты культа Ильи, безусловно, имеют глубоко народный характер. Они сложились в процессе длительной и сложной интерпретации ветхозаветных преданий, которые тесно переплетались с дохристианскими славянскими верованиями. Можно говорить об определенной связи между культами Ильи Пророка и языческого Перуна-«громовержца» и о трансформации в народном сознании языческого бога в христианского святого. По мнению Э.С. Смирновой, основную роль в формировании культа и почитания Ильи Пророка играли не «архаические языческие реминисценции, а легенды Ветхого завета, известные на Руси по переложениям богослужебных текстов и другим источникам»⁹.

Широкое и повсеместное почитание Ильи Пророка в народной среде породило большое количество примет, пословиц и поговорок. Наряду с такими известными и распространенными, как «Илья-пророк — косье срок» или «На Илью до обеда лето, а после обеда — осень», встречаются и более редкие, связанные с описанными выше древними обрядами: «Илья — бараний рог», «На Илью — баранью голову на стол»¹⁰. Известно, что в Ильин день на Руси старались не работать, чтобы не вызвать его гнев, так как Илья, по народному поверью, «был слишком строг в отношении народной распущенности, и потому народ в этот день вообще религиозен и боится его мщения огнем»¹¹. Нельзя было работать ни в поле, ни в огороде, поскольку считалось, что если в этот праздник даже просто зайти туда, то огурцы сгниют на корню и опадут, а капуста делается мягкой. Нельзя было и сено косить: «На Ильин день стога не метут — спалит грозой». Сами крестьяне строго следили, чтобы никто не работал в этот день, — боялись, что Илья за подобный грех может сжечь всю деревню. У нарушившего это правило односельчанина могли выпрячь лошадей из телеги, снять хомут и сбрую и пропить в трактире всем обществом.

Слыша раскаты грома, простые люди начинали набожно креститься, веря, что это едет Илья Пророк в своей огненной колеснице. Верили и в то, что в Ильин день вся злая сила, спасаясь от огненных стрел Пророка, бежит прочь и обращается в различных диких зверей и домашних животных. В народе существовал обычай — в этот день

* В 2010 году, во время страшных пожаров, молебны Илье Пророку проходили во многих храмах постоянно, в течение двух месяцев.

не пускать в дом собак и кошек, чтобы не навести на избу гром и молнию. Молнии же его, по старинным народным верованиям, были не только карой, но и целебным средством: «громовая стрела, убив дьявола, уходит в землю, и там, пролежав три года скрытно, потом объявляется в виде продолговатого пальцеобразного кремня. Его употребляют в случае колотья, окачивают его водою, и этой водою обливают больного»¹². К Илье Пророку обращались за исцелением от разных болезней: сибирской язвы, порчи, слеза, падучей, болезни глаз, зубной боли и других, произнося при этом различные заговоры и заклинания¹³.

Пророку Илье на Руси было посвящено огромное количество храмов, приделов и часовен; иконы с его изображением были практически в каждом доме, включая и жилища беднейших крестьян. Соответственно, большое количество образов Ильи, в первую очередь — извода с его огненным вознесением, как наиболее типичного и распространенного, встречается именно в народной иконе.

Для народной иконы в целом (в отличие, скажем, от «скорписной» иконы) характерны такие неоднократно отмечавшиеся исследователями признаки, как грубая обработка доски, схематичность и разреженность композиции, монохромность, упрощенное написание личного, угловатость и непропорциональность фигур и ряд других. По справедливому утверждению И.Л. Бусевой-Давыдовой, типичное для народной иконы «отсечение» всего необязательного, схематизация композиций, сведение деталей к своеобразным знакам способствовало вычленению сути моленного образа. Главная каноническая задача иконы —

2. Икона
«Богоявление
Господне
и Огненное
вознесение
пророка
Ильи».
Русский
Север,
XVIII в.
Частное
собрание,
Москва.

возведение ума к первообразному — могла успешно осуществляться даже «подокладницами», где единый образ как бы расчленился между доской (лики) и окладом (фигуры)»¹⁴. Данными признаками в полной мере обладают и иконы «Огненное вознесение пророка Илии», представленные на выставке*.

Практически на всех памятниках можно наблюдать присутствие двух основных сюжетов: Илья Пророк в пустыне и его огненное вознесение; иногда добавлены сцены перехода через Иордан и явление ангела спящему Илье (илл. 2–13). Огненная колесница может представлять собой, например, простой ящик с одним колесом (илл. 14) — такое живописное решение занимавшийся исследованием этого образа М.М. Красилин назвал «шедевром иконописной знаковой системы»¹⁵. Кроме того, на народных иконах с вознесением Ильи мы можем увидеть и другие подобные «шедевры», связанные с колесницей: и двухколесную, напоминающую рикшу, пролетку (илл. 11), и отдельно находящиеся от повозки колеса (илл. 12), и лошадей, «участливо» наблюдающих передачу милоти пророку Елисею (илл. 4). На полях ряда народных икон встречается орнамент, близкий по росписи к домашней мебели и утвари (илл. 15, 16).

Наряду с народной (наивной) иконой в художественной культуре Нового времени существовали такие понятия, как академический примитив и «скорописная» (ремесленная) иконопись.

* Иллюстрации икон представлены как с выставки, так и из архива автора.

3. Икона «Огненное вознесение пророка Ильи». Вторая половина XIX в. Собрание музея «Невьянская икона», Екатеринбург.

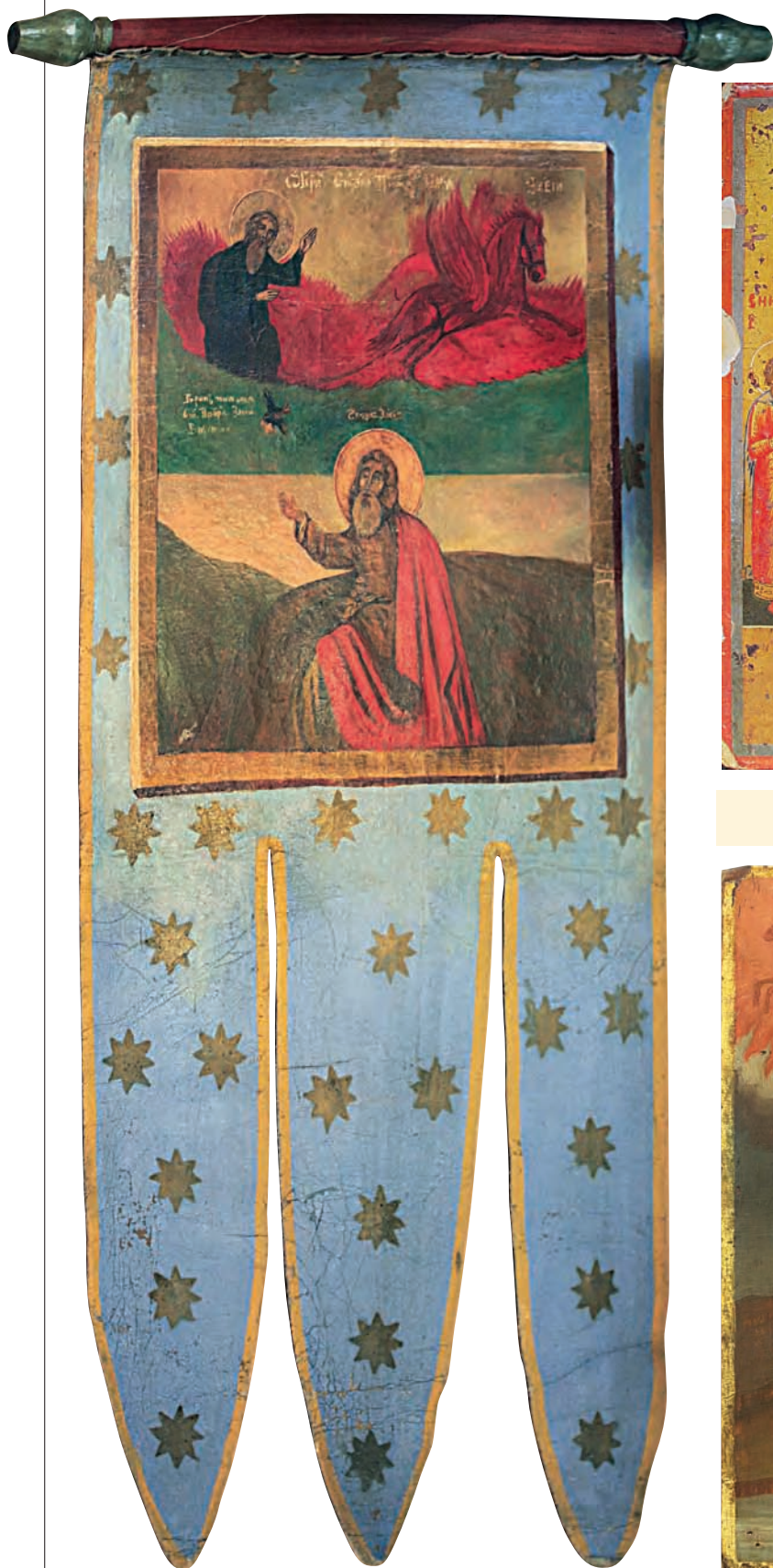
4. Икона «Огненное вознесение пророка Ильи». Вторая половина XIX в. Частное собрание, Москва.

5. Икона «Огненное вознесение пророка Ильи». Русский Север, XIX в. Собрание Галереи Русской Иконы, Таллинн.

6. Икона «Огненное вознесение пророка Илии».
Вторая половина XIX в. Собрание ГосНИИР.

7. Хоругвь «Огненное вознесение пророка Илиш». Вторая половина XIX в. Собрание музея «Невьянская икона», Екатеринбург.

8. Икона «Огненное вознесение пророка Илиш». Урал, вторая половина XIX в. Частное собрание, Москва.

9. Икона «Огненное вознесение пророка Илиш». Вторая половина XIX в. Собрание музея «Невьянская икона», Екатеринбург.

10. Икона «Огненное вознесение пророка Ильи». Вторая половина XIX в.
Собрание А. Кондрашова, Москва.

11. Икона «Огненное вознесение пророка Илии». Русский Север, вторая половина XIX в.
Собрание Музея народного искусства О. и А. Ильиных, с. Вятское Ярославской области.

12. Икона «Огненное вознесение пророка Илии». Вторая половина XIX в.
Собрание музея «Невьянская икона», Екатеринбург.

13. Икона «Огненное вознесение пророка Илии». Русский Север, вторая половина XIX в.
Собрание Музея народного искусства О. и А. Ильиных, с. Вятское Ярославской области.

14. Икона «Огненное вознесение пророка Ильи». Вторая половина XIX в. Собрание ГосНИИР.

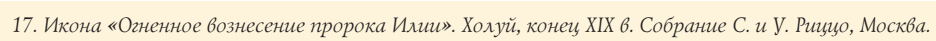
15. Икона «Огненное вознесение пророка Ильи». Северное Предуралье, конец XVIII в. Частное собрание, Москва.

16. Икона «Преображение Господне и Огненное вознесение пророка Ильи». Русский Север, XVIII в. Собрание А. Руднева, Москва.

16а. Икона «Преображение Господне и Огненное вознесение пророка Илии» (фрагмент).
Русский Север, XVIII в. Собрание А. Руднева, Москва.

Под примитивом здесь следует понимать «освоение типологии и форм профессиональной академической живописи художниками-самоучками, как правило, низкого социального статуса»¹⁶. В иконописи он характерен прежде всего для южнорусских губерний, а также Сибири, куда многие сибирские архиереи, выходя с Украины, привозили своих земляков-художников¹⁷. На представленной иконе «Огненное вознесение пророка Илии» из Иркутского областного художественного музея (илл. 18) иконописец, подражая художникам-академистам, развернул сцену вознесения на фоне хорошо узнаваемого пейзажа с панорамой Ангары¹⁸.

Что касается «скорописной» иконы (или ремесленного примитива, как часто ее еще называют), то в первую очередь речь идет о продукции владимирских иконописных сел: Мстеры и, естественно, Холуя. Как известно, холуйские иконы миллионными тиражами развозились практически по всей России, своей дешевой оказывая серьезную конкуренцию местному иконописанию. Кроме того, холуйская иконопись оказывала влияние и на развитие локальных художественных центров, например, сузунской народной иконы¹⁹. Для продукции Холуя рубежа XIX–XX веков характерны такие приемы, как ограниченная цветовая гамма на основе черного и оранжевого колорита; а также композиционная простота, лаконичность и сведение деталей к символическим и орнаментальным знакам (признаки, отмеченные нами и в народной иконе). Но ремесленный примитив коренным образом отличается от народного тем, что там трудились мастера-профессионалы и упрощение образа делалось исключительно с целью удешевления продукции. Здесь мы не увидим ни грубо обработанных иконных досок (иконописцы Холуя сами не занимались их производством, выгоднее было купить готовые), ни неумело и непропорционально написанных фигур. Наоборот, в холуйских памятниках чувствуется четко поставленная и уверенная рука мастера, изо дня в день повторяющего в своем творчестве одни и те же иконописные приемы (илл. 17).

В заключение хотелось бы отметить, что подобные выставки заметно обогащают наши знания о художественной культуре Нового времени и народная иконопись занимает все более важное место и в исследованиях искусствоведов, и в пристрастиях коллекционеров.

Михаил ЧЕРНОВ

18. Икона «Огненное вознесение пророка Илии». Сибирь, XIX в. Собрание Иркутского областного художественного музея.

¹ Брюсова В.Г. Федор Зубов. М., 1985. С. 63.

² Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 223.

³ Чернов М.А. Образ «Огненное вознесение святого пророка Илии» в иконах поморского письма Выга и Урала//Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. М., 2006. № 39. С. 54; «Огненное вознесение пророка Илии» в старообрядческой иконописи Горнозаводского Урала и Ветки//Там же. М., 2010. № 75. С. 4–6.

⁴ Смирнова Э.С. Живопись Обонежья XIV–XVI веков. М., 1967. С. 39.

⁵ Андреев А.Н. Ладожское озеро. СПб., 1878. С. 258.

⁶ Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия//Сост. М. Забылин. М., 1880. С. 96.

⁷ Макашина Т.С. Ильин день и Илья-пророк в народных представлениях и фольклоре восточных славян//Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 93.

⁸ Русский народ. Указ. соч. С. 97.

⁹ Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Указ. соч. С. 224.

¹⁰ Русские имена в исторических лицах, церковных и народных праздниках, пословицах и приметах/Сост. Н.И. Решетников. М., 2002. С. 194.

¹¹ Русский народ. Указ. соч. С. 96.

¹² Русский народ. Указ. соч. С. 264.

¹³ Майков Л.Н. Великорусские заклинания. СПб., 1869. С. 81.

¹⁴ Бусева-Давыдова И.Л. Аннотация к выставке «Народная икона из музейных и частных собраний». М.: РАХ, 2012.

¹⁵ Красилин М.М. Иконопись и декоративно-прикладное искусство//Духовная среда России. М., 1996. С. 139.

¹⁶ Бусева-Давыдова И.Л. Народная икона: к определению предмета//Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. М., 2011. № 89. С. 10.

¹⁷ Красилин М.М. Народные иконы: региональные особенности//Русское народное искусство. Сергиев Посад, 1998. С. 40–52.

¹⁸ Иркутские иконы: Каталог. М., 1991. С. 78.

¹⁹ Чернов М.А. Сузунская икона//Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. М., 2011. № 90. С. 4–26.